
М. В. ПАНОВ

Т Р У Д Ы
П О О Б Щ Е М У
Я З Ы К О З Н А Н И Ю
И Р У С С К О М У Я З Ы К У

Т О М 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
П 16

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16133

Панов М. В.

П 16 Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 568 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-9551-0034-2

В двухтомнике М. В. Панова «Труды по общему языкознанию и русскому языку» собраны работы, отражающие многогранность научной деятельности ученого. Это статьи, а также отрывки из коллективных монографий, руководителем и вдохновителем которых был Михаил Викторович. Многие из публикуемого давно стало библиографической редкостью, например, содержащий глубокие новаторские идеи теоретический проспект монографии «Русский язык и советское общество», опубликованный в 1962 г. в Алма-Ате тиражом 550 экземпляров.

Название разделов в двухтомнике отражает сферу научных интересов М. В. Панова, однако распределение его работ по предлагаемым разделам носит по необходимости условный характер. Так, статья «О частях речи в русском языке» помещена в раздел «Общие вопросы теории» (1-й том), а «О грамматической форме» — в раздел «Морфология и словообразование» (2-й том), хотя обе эти статьи разрабатывают теорию грамматики. Мысль М. В. Панова не укладывается в жесткие рамки любой рубрикации. У него нет чисто описательных работ. Все его работы носят теоретический характер.

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-9551-0034-2

© Е. А. Земская, С. М. Кузьмина, редакция, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Оглавление

О Михаиле Викторовиче Панове (<i>Е. А. Земская, С. М. Кузьмина</i>)	8
---	---

И. Общие вопросы теории

О парадигматике и синтагматике	17
Позиционные отношения в стилистике	30
Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста	36
Трансформы и нейтрализация	41
О слове как единице языка	51
О литературном языке	88
О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)	103
Об аналитических прилагательных	137
О частях речи в русском языке	151
Русский язык	165

II. Фонетика. Фонология. Социофонетика. Орфоэпия

Фонетика современного русского литературного языка	255
О тексте для фонетической записи	288
О разграничительных сигналах в языке	297
О двух типах фонетических систем	320
О восприятии звуков	330
О том, как составлялся вопросник по произношению	338
О том, как кодировался фонетический вопросник	346
Поведение конечного двусонория	359
О синтагматике гласных в говорах с диссимилятивным яканьем	362
О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка	371
Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка	384
О разграничении сегментных и суперсегментных единиц	393
О значении морфологического критерия для фонологии	401
Фонетические «фантомы F»	406
О слогоделении в русском языке	413
О строении заударной части слова	425

Московская фонологическая теория сегодня	434
О причинах фонетических изменений	439
Русские гласные, просеянные сквозь испанское фонетическое сито	455
О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка	458
О русской орфоэпии	467
О влиянии грамматической аналогии на произносительные нормы в современном русском литературном языке	479

III. Орфография

О культурно-историческом подходе к орфографии	513
Об усовершенствовании русской орфографии	522
О слитных и отдельных написаниях	538
О дефисных написаниях	554
О правописании глагольных окончаний	559

О Михаиле Викторовиче Панове

М. В. Панов родился в 1920 г. Окончив в 1941 г. Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина, он сразу уходит на войну. Прошел ее всю в противотанковой артиллерии. После войны работает учителем в школе и одновременно учится в аспирантуре. В 1958 г. В. В. Виноградов приглашает М. В. Панова в Институт русского языка АН СССР, где он сначала возглавлял фонетическую группу, а затем сектор современного русского языка. Во время директорства Ф. П. Филина и гонений на инакомыслящих, в 1971 г. за то, что заступился за гонимых, был исключен из партии, в которую вступил на войне. Таким образом, в самом расцвете творческой деятельности М. В. Панова вынудили уйти из Института русского языка. После этого он работал в НИИ национальных школ. По приглашению зав. кафедрой русского языка К. В. Горшковой многие годы работал почасовиком в МГУ: читал лекции по русской фонетике и долгие годы вел спецкурс по истории русского поэтического языка. В последние годы преподавал в Московском открытом педагогическом университете им. М. А. Шолохова на кафедре Е. И. Дибровой.

М. В. Панов — выдающийся ученый, специалист в самых различных областях русистики и общего языкознания, талантливый педагог и популяризатор науки о языке. Его можно назвать рыцарем московской (фортунатовской) лингвистической школы. Идеи этой школы он талантливо развивает, уверенно и бережно строя здание, каркас которого возведен его предшественниками. Ученик А. М. Сухотина, Р. И. Аванесова, А. А. Реформатского, он начинает свой научный путь с исследования фонетики. Впрочем, фонетика и фонология и в дальнейшем занимают в его научной работе особое место, представляя, по его словам, опытное поле языкознания, на котором испытываются новые идеи.

Русская **фонетика** представлена в его работах в разнообразных аспектах: современная и историческая, сегментная и суперсегментная, синтагматическая и парадигматическая, теоретическая и нормативная (орфоэпия), системная и функциональная, художественная (поэтическая, сценическая). В фонетических работах Михаила Викторовича находят отражение и получают развитие все центральные проблемы фонетики и фонологии: вопрос о языковой системе (он расширяет и уточняет это понятие), об «атоме» фонемной системы (фонема или дифференциальный признак?), проблемы слога, понятия позиции и нейтрализации. Можно назвать немало направлений фонетических исследований, успешно развиваемых в современной лингвистике, начало которым положил Михаил Викторович.

М. В. Панов возродил традиции **социолингвистики** и придал им новое направление, поставив в центр исследований взаимодействие внутриязыковых и социальных факторов как в функционировании языка, так и в его развитии. Под руководством и при авторском участии Михаила Викторовича в Институте русского языка РАН написаны работы, определившие на многие годы направление исследований в этой области не только в этом институте, но и во всей русистике. Это прежде всего фундаментальная коллективная монография в 4-х книгах «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование». М. В. Панов разработал теорию языковых антиномий, лежащих в основе внутреннего, спонтанного развития языка, а также методику массового обследования языковых вариантов, позволившую выявить внутриязыковые и социальные факторы и описать их взаимодействие как в развитии языка, так и в его функционировании на данном этапе.

Значение этого социолингвистического исследования еще и в том, что оно дает возможность с единых теоретических позиций и на основании одной методики описывать состояние русского языка на последующих этапах его развития и проследивать на разных синхронных срезах дальнейшую эволюцию русского языка. Эта работа заложила основы новой школы — Московской школы функциональной социолингвистики [Земская, Крысин 1998].

Монография М. В. Панова «Русская фонетика» (М., 1967) содержит всеобъемлющее описание фонетического яруса русского языка. Это своего рода фонетическая энциклопедия. Впервые дается последовательное описание фонетики в синтагматическом и парадигматическом аспекте. Книга соединяет в себе тончайшие, микроскопически точные наблюдения и широкие теоретические обобщения.

М. В. Пановым создана оригинальная **типология фонетических систем**, основанная на противопоставлении «преимущественно синтагматических» и «преимущественно парадигматических» фонетических систем.

В фундаментальном исследовании М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.» (М., 1990) развертывается богатейшая картина сменяющих друг друга произносительных эпох. На основе изобретательной методики, с помощью привлечения уникального материала реставрируется произношение XVIII—XIX веков и блестяще решаются задачи, которые автор ставит перед собой: 1) показать реальную картину изменения русского литературного произношения за последние три века; 2) найти языковые законы, которые определяют русское произношение в каждую эпоху, в каждое изучаемое столетие; 3) сопоставить эти законы, чтобы понять, имеют ли изменения общее направление, последовательность, единство развития; 4) определить, в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой степени — внутренними законами

языка; 5) определить роль этих наблюдений при рассмотрении общих проблем развития языка.

В этой книге М. В. Панов ввел жанр **фонетических портретов** (например, Петра I, М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, О. О. Садовской, Е. Т. Турчаниновой, В. Яхонтова, А. Вознесенского). Теперь этот жанр активно развивается в лингвистической литературе.

Пафос **фонологической** теории Михаила Викторовича — наведение мостов между московской и пражской фонологическими школами, осмысление и снятие противоречий между ними. Исходя из двух разных функций звуковых единиц — различать и отождествлять значимые единицы языка (при этом различать — удел синтагматики, отождествлять — парадигматики), Михаил Викторович постулирует две функциональные единицы: фонему, или идентификатор, назначение которой **о т о ж д е с т в л я т ь** значимые единицы языка, и дифференциатор, назначение которого **р а з л и ч а т ь** значимые единицы языка. Фонема как языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, не имеет дифференциальных признаков, дифференциатор же как ряд звуков, имеющих одинаковую функциональную характеристику, определяется набором различительных признаков. Эта теория (поистине теоретический прорыв) снимает противоречия между двумя крупными фонологическими школами.

В широком спектре научных интересов М. В. Панова немалое место занимает **теория письма**, в разработке которой он опирается на положения Московской фонологической школы, развивая их. Во время работы орфографической комиссии 60-х гг. по его инициативе и при его участии было выпущено несколько сборников, в которых дается научная разработка трудных вопросов правописания. Особое значение имеет выход в свет в 1965 г. уникальной книги «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)», написанной под руководством и при участии М. В. Панова. Книга представляет собой полный свод предложений по усовершенствованию русского письма, которые были высказаны за два с половиной века, она снабжена научно аргументированными доводами за и против каждого из высказанных предложений и большой библиографией. Эта книга служит фундаментом дальнейшей кодификаторской деятельности в области орфографии.

Большое внимание в работах М. В. Панова уделяется **проблемам слова**, морфемной членимости слова и классификации частей речи. В статье «О слове как единице языка» (1956 г.), отталкиваясь от определения слова, данного А. И. Смирницким, Михаил Викторович предлагает свое оригинальное решение: слово — «смысловое единство, части которого не составляют свободного сочетания». Это определение основано на том свойстве слова, о котором писал еще А. М. Пешковский и которое М. В. Панов углубил и расширил. Это свойство слова получило название **фразеологичность** (или идиоматичность)

семантики слова. Слово подобно фразеологизму, а не свободному синтаксическому сочетанию: смысл слова как правило не складывается из смысла составляющих его частей (морфем). Между смыслом целого слова и смыслом его частей существует зазор, люфт. Ученый блестяще показывает это, сопоставляя слова *вечерник* (студент вечернего факультета), *дневник* (подневная запись событий), *утренник* (утренний спектакль или утренний мороз), *ночник* (ночной светильник). И действительно, слова, образованные по одной модели, имеют причудливо различающиеся значения. Каждое слово содержит свое смысловое приращение.

Постоянный интерес к слову как единице языка побуждал М. В. Панова исследовать проблему **членимости слова**. Эта проблематика, разрабатываемая в языкознании на протяжении десятилетий, породила так называемый спор о *буженине* и *стеклярусе*, иными словами о том, членятся ли слова, содержащие единичные корни и полноценные аффиксы (*бужен-ина*, *свин-ина*, *осетр-ина*) или полноценные корни, но единичные аффиксы (*стекл-ярус*, *почт-амт*). Полемика между Г. О. Винокуром и А. И. Смирницким вызвала отклики у многих современников. Однако ответ на поставленный вопрос был дан не сразу. Лишь в конце 60-х годов М. В. Панов предложил решение. Он писал: «Степень вычленимости морфемы из слова может быть различной. Границы между морфемами в одних случаях глубоки и резки, в других — менее глубоки». Ученый построил шкалу членимости слова, выделяя шесть ступеней членимости — от первой ступени (наиболее четкой) до шестой (наиболее слабой).

Позднее — уже в 70-е годы — М. В. Панов возвращается к проблемам членимости слова, расширяя и дополнительно аргументируя свои взгляды. В 1975 г. в одном и том же сборнике публикуются две его статьи. Первая имеет общетеоретический характер: «О степенях членимости слова». Во второй («О переводах на русский язык баллады „Джаббервокки“») М. В. Панов исследует проблематику членимости слова на очень интересном специфическом материале. Он сопоставляет четыре перевода поэмы Кэрролла (Т. Л. Щепкиной-Куперник, Н. М. Демуровой, В. и Л. Успенских и Д. Г. Орловской) и, показывая своеобразие творческого метода каждого из переводчиков, характеризует достигнутый ими эстетический эффект.

Проанализированный поэтический материал позволяет ему высказать такое мнение: «...можно составить в виде таблицы периодическую систему членимости слова. В ней должны быть учтены и такие качества выделяемых отрезков, как их звуковая выразительность. Эта черта, вероятно, особенно весома в художественной речи».

Учение о фразеологичности семантики производного слова и о степенях членимости слова активно разрабатывается в языкознании и вошло в вузовское преподавание (см., например, работы Земской, Ермаковой, Белошапковой).

Теория частей речи — еще одна сфера общего языкознания, интерес к которой был свойствен М. В. Панову на протяжении десятилетий. Кратко изложенная в статье 1960 г. [Панов 1960] оригинальная теория частей речи была позднее дополнена автором в теоретическом проспекте к монографии «Русский язык и советское общество», опубликованном в 1962 г. в Алма-Ате. М. В. Панов вновь вернулся к проблематике частей речи в своей последней монографии «Позиционная морфология русского языка» (М., 1999). В этой книге М. В. Панов формулирует свое понимание понятия «система языка» и рассматривает «два других важнейших понятия, необходимых для понимания языка как особой сущности: понятие позиции и (вслед за ним) понятие нейтрализации» [Панов 1999: 21]. Эти понятия родились в сфере фонетики и фонологии, М. В. Панов применяет их при исследовании других уровней языка — лексики, морфологии, синтаксиса (см. рецензии на данную книгу Е. В. Клобукова и М. И. Кронгауза).

Вслед за М. В. Пановым явление нейтрализации в морфологии, синтаксисе и других уровнях языка рассматривают многие ученые (например: Н. А. Янко-Триницкая, О. П. Ермакова, О. А. Крылова).

Еще один импульс, идущий от фонологии: использование понятия «оппозиция» применительно к различным уровням языка. Эту работу начал в 50-е годы Р. Якобсон. М. В. Панов осуществил тонкий анализ семантики и условий функционирования существительных мужского и женского рода, называющих лиц. Применяя разработанное Н. С. Трубецким понятие оппозиции, он показал, что одни из таких существительных образуют привативные оппозиции, а другие — эквиолентные. Немаркированные члены привативных оппозиций, т. е. существительные мужского рода, могут называть и мужчин, и женщин. Таковы наименования лиц по профессии. Например: «*Учителя* нашей школы Иванова, Петрова и Троицкая едут на отдых в Крым». Подобные существительные функционируют в нейтральной и официально-деловой речи. Иные семантические разряды коррелятивных наименований мужчин и женщин образуют эквиолентные оппозиции. Оба слова равноправны: Катю нельзя назвать красавцем, а Машу — москвичом. Только красавицей и москвичкой.

Теоретическое осмысление общих вопросов языкознания М. В. Панов блестяще использовал в **научно-популярной литературе**, в частности в литературе для юношества. Назовем в этой связи два коллективных труда. Один — детище М. В. Панова, созданный его научным и человеческим энтузиазмом, — «Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)» (М., 1984). Эта книга имеет не только педагогическое, но и общетеоретическое значение, во многих статьях вводятся новые факты и их теоретическое осмысление. М. В. Панов выступил в этом словаре как составитель, организатор и основной автор. Второй труд — «Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык»

(М., 1998). В эту книгу М. В. Панов написал теоретическую общую часть «Как устроен язык» и разделы, посвященные составу слова.

В одной статье невозможно охватить все стороны многогранной научного творчества М. В. Панова. Укажем здесь крайне важную сторону деятельности М. В. Панова — он был создателем оригинальной концепции поэтического языка, которая легла в основу спецкурса, читавшегося им в МГУ на протяжении многих лет. Эти лекции по истории языка русской поэзии были событием в культурной жизни Москвы, их слушали не только студенты, но и преподаватели, ученые, поэты.

Оригинальность трудов Михаила Викторовича проявляется и в их неповторимом языке. Это язык, облекающий глубину научной мысли в четкое, прозрачное, ясное изложение, в котором свобода, раскованность сочетаются с мерой и вкусом. Языку Михаила Викторовича свойственна, как писал А. А. Реформатский, «стилистическая афористичность изложения», «художественный прием детективного уклона».

Научное творчество М. В. Панова — это единое произведение, одна большая книга. Все его работы объединены напряженным поиском законов «языка как уникального явления, равного самому себе, не отождествляемого с иными областями... деятельности человека». В заключении к своей последней, итоговой книге «Позиционная морфология русского языка» Михаил Викторович пишет: «Эта книга проникнута мыслью о том, что весь язык (и его произносительная, и грамматическая системы) построен по общим позиционным моделям... и развитие языка, и движение его произносительной, грамматической стороны протекает в фонетике и грамматике по близким моделям». Это кредо ученого, ключевая его мысль. К этому он шел всю жизнь, обосновывая понятие **позиционной системы языка**, доказывая, что «позиционные чередования — сама жизнь языка».

Е. А. Земская, С. М. Кузьмина

Часть I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

О парадигматике и синтагматике*

1. Понятия парадигматики и синтагматики оказались полезными для лингвистической теории. Но не все еще в этих понятиях ясно.

2. О синтагматике Ф. де Соссюр пишет так: «...Слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи... Член синтагмы получает значимость лишь в меру своего противопоставления либо тому, что ему предшествует, либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе»¹.

О парадигматике сказано так: «С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения»... (Приводится пример: *enseignement — enseigner — enseigner — обучение — обучать — переучивать.*) Эти отношения совсем иные, чем синтагматические. «Они не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык. Эти отношения мы будем называть ассоциативными отношениями»². Впоследствии они получили название парадигматических.

3. Создается впечатление, что Ф. де Соссюр считает синтагматику достоянием речи, а парадигматику относит к языку. Однако Соссюр тотчас же объясняет, что это неверно: синтагматика так же принадлежит языку, как и парадигматика.

Действительно, конкретное речевое высказывание (например, записанное на магнитофонную ленту) еще не являет собою прямо и непосредственно синтагматического закона. Именно для создания этой речевой конкретности и необходимы языковые законы синтагматики, определяющие, как следует строить сочетания языковых (и вслед за тем речевых) единиц.

Следовательно, разграничение парадигматики и синтагматики по линии язык — речь цели не достигает.

* Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 39. № 2. 1980. С. 128—137.

¹ Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 155.

² Там же. С. 155—156.

4. Ф. де Соссюр говорит: «Синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда *in absentia*»³.

Действительно, реплики, развертывающие парадигму, неестественны. И наоборот, всякая реплика развертывает синтагму.

Однако надо принять во внимание такие соображения. Синтагма — сочетание; иначе говоря: расчлененная единица. Если нет расчлененности, нет синтагмы.

Можно ли по определенному кортежу данностей, оставаясь только в пределах этого кортежа, определить, что дано именно сочетание единиц? Нельзя. Расчлененность ряда на отдельные единицы определяется только сопоставлением данного ряда (кортежа) с другими.

Вот последовательность: > 0. Сложная эта знаковая единица или нет? Сама физическая прерывность ни о чем не говорит; ср. такие прерывные, но целостные единицы, как *y*, *Ξ* или *sch* (в немецком письме), *ough* (в английском письме, например, в слове *though*).

Составной характер данного ряда обнаружится только в том случае, если возможны такие сочетания:

1) > 0 3) > %

2) ↓ 0 4) ↓ %

Т.е. сочетание АБ разложимо на А и Б только в том случае, если есть АВ, ГБ... (те же А и Б, но в сочетании с другими единицами).

Парадигма: ее части вырезаются из разных мест текста (или из разных текстов) и сопоставляются. Синтагма... Она — «вся тут»? Нет. Ножницы все равно нужны, чтобы «вырезать» единицы АВ, ГБ (и сравнить с данной: АВ).

Возможно возражение: пусть так, но все-таки члены синтагмы все взяты в текст, члены парадигмы — не все. Вне текста остается не сама синтагма (точнее, не то, что ее непосредственно репрезентирует в речи), а ее фон — единицы АВ, ГБ. Это верно и должно быть объяснено на основании реального разграничения парадигматики — синтагматики. Но при этом, вероятно, не помогут слова *in praesentia* — *in absentia*.

Разграничение двух языковых единств и по этой линии оказалось ненадежным.

5. Ф. де Соссюру было бы легко под влиянием современной ему психологии синтагму объяснить как ассоциацию по смежности, а парадигму — как ассоциацию по сходству. Однако Соссюр преодолел соблазн, и это — яркое проявление силы его мысли, его интуиции.

³ Там же. С. 156.

Действительно, апелляции к психологии не могут разъяснить ни суть парадигмы, ни суть синтагмы (возможны только размыто-туманные аналогии). Не могут хотя бы потому, что в парадигму объединяются единицы, явно не имеющие сходства друг с другом⁴ (см. § 17).

6. Хотя разграничить синтагматику и парадигматику с помощью логики: синтагматика — это выражение конъюнкции, а парадигматика — выражение дизъюнкции.

В логике и конъюнкция, и дизъюнкция — операции с членами двух множеств (или нескольких; в статье берутся минимальные парадигмы и синтагмы — из двух членов, поэтому речь везде идет в пределах дихотомии). Из членов двух множеств создается новое множество, в него входят и члены первого, и члены второго множества — это дизъюнкция. Каждый член нового множества обладает или свойствами того, или свойствами другого исходного множества; поэтому дизъюнкция, логическое сложение символизируются союзом «или».

Не ясно ли, что к парадигматике логическая дизъюнкция никакого отношения не имеет?

Так же и логическая конъюнкция ничего не может объяснить в синтагматике.

7. Если считают, что синтагматика — область «и-отношений», а парадигматика — область «или-отношений», то, очевидно, употребляют союзы «и» — «или» не в их логическом смысле, а в обычном, бытовом.

Брат и сестра едут в одном поезде — действия их вовсе не конъюнкция. Но похоже на синтагматику: ведь они оба в поезде, подобно тому как два слова, составляющие синтагму, оба «едут» в одном предложении. С этим поездом приедет или брат, или сестра — и здесь нет никакого намека на логическое действие дизъюнкции, но похоже на парадигму из двух членов: брат — сестра.

Но и эта бытовая трактовка тоже неверна. Дан ряд связанных единиц (например, слов в предложении): $A_1 - A_2 - A_3 \dots$. Каждое место в этом ряду, например A_2 , может быть занято либо тем словом, либо этим, но не тем и этим сразу. Например, либо словом (словоформой) *брат*, либо *брату*; они составляют как раз парадигму. Удалось ли свести парадигму к отношению «или» (хотя бы в бытовом значении этого «или»)? Нет, не удалось. Одно и то же место не могут занять и такие единицы: *брат* и *хотеть*, *брат* и *чтобы*, *брат* и [в] (звук), а такие пары не составляют парадигм.

Обнаруживается, что отношение «или та, или другая единица» годится не только для единиц, парадигматически связанных, но и для всяких единиц, если они различны.

⁴ Иногда понимание парадигмы как единства, основанного на ассоциации по сходству, проскальзывает в тексте Соссюрова «Курса»: «В парадигму, — замечает он, — объединяются единицы, которые той или иной чертой сходны между собой» (с. 155). Но как принципиальное положение это нигде в «Курсе» не формулируется.

Не подойти ли с другого конца: в ряду $A_1 - A_2 - A_3 \dots$ места $A_1 - A_2$ могут занимать члены одной синтагмы, но не члены одной парадигмы? Это позволило бы определить синтагму. Нет, и это неверно: возможны такие сочетания: *брат с братом поссорились...* где *брат с братом* — синтагма. Ее члены в то же время входят в одну парадигму. Снова не удалось отграничить синтагматику и парадигматику⁵.

Еще одно замечание, относящееся ко всем попыткам свести различие парадигматики — синтагматики к отношениям «и» — «или». Сопоставление получается такое: парадигма — совокупность единиц, которые не могут занимать одно место в речевой цепи (должно быть либо то, либо другое); синтагма — совокупность единиц, которые могут занимать два места в одной речевой цепи (наличествует и то и другое). Сопоставление нелогичное, разграничение идет сразу по двум линиям: возможность — невозможность появления единиц на одном — на двух местах.

Итак, снова неудачная попытка (на этот раз ложнологическая) разграничить парадигматику и синтагматику.

8. Специфику синтагматики и парадигматики в точных определениях схватить не удастся⁶.

Разграничение этих двух сущностей не исчерпывается ни психологически, ни логическими категориями, к ним не сводится, с ними не совпадает. Подобрать для них убедительную внеязыковую параллель тоже не удастся.

Надо, следовательно, исходить из специфики языка. В том, что специфично для языка, и лежит главное основание для различения синтагматики и парадигматики.

9. У единиц языка есть две главнейшие функции: номинация и предикация. Номинация — называние.

Выделить объект, подлежащий называнию, можно в том случае, если в объекте обнаружена некоторая стабильность, самому себе тождественность.

Есть предание об ученике Гераклита Кратиле, для которого мир был воплощением абсолютной изменчивости. Предание говорит, что он не называл предметы, а указывал на них рукой. Действительно, если предметы воплощают только динамическое, изменчивое начало, то их нельзя назвать. Название требует устойчивости в объекте.

⁵ Ввиду этих неполадок предлагают считать парадигматику сферой отношений «и/или», синтагматику — сферой отношений «и». Тогда синтагматика — частный случай парадигматики. А парадигматика — любая, всякая связь языковых единиц. Синтагматика объявляется частным случаем парадигматики, но не говорится, чем же эта часть отличается от другой, не синтагматической... Не проходит!

⁶ Стали говорить так: для синтагмы нужен контраст единиц, для парадигмы — противопоставление. Забыли определить, чем контраст отличается от противопоставления. А если попытаться определить, выйдет тавтология с теми разграничениями, которые уже рассмотрены и оказались неопределенно-неясными.

Это свойство объекта отражается в природе названия: оно должно обнаруживать свою стабильность: если в каждом новом высказывании объект получает новое название, то речевой акт невозможен.

В реальности название объекта (в первую очередь слово и то, что ему эквивалентно) все время изменяется. 1) В зависимости от того, кто его произносит. Один — басом, другая — меццо-сопрано, один — медленно, растягивая, другая — быстро. Звуковой облик слова разный, но надо эти различия снять, отождествить между собой как нечто единое. Надо отвлечься от различий, обусловленных обстоятельствами акта общения. 2) В зависимости от состояния каждого говорящего. Простуженные говорят не так, как здоровые. 3) В зависимости от социального статуса говорящего. Например, служащие иногда имеют такие особенности произношения, которые не свойственны рабочим, и т. д. 4) В зависимости от территориального распределения говорящих. В Ленинграде говорят (или говорили) не так, как в Москве. 5) В зависимости от положения данного слова-названия в контексте; ср. *морос*[с], но *мороз*[з] *бы*. 6) Другой пример зависимости от контекста: (*я*) *иду* — (*ты*) *идешь* — (*он*) *идет*; слова *я* — *ты* — *он* могут отсутствовать в речи, но определяться ситуацией. Здесь различия в единицах тоже вызваны контекстом. 7) *Рубит топором* — *Топором пошел на дно*. Единица *топором* имеет в одном случае значение орудия действия, в другом — сравнительное значение. Контексты определяют это различие (ср. *Гладит утюгом* — *Утюгом пошел на дно*)...

Чтобы сохранить название как целостность, все эти различия необходимо снять. Единицы, чье различие вызвано разными условиями общения, объединяются в парадигму. Как видно, парадигма воплотила в себе требования, порожденные номинацией. Это требование стабильности языковых единиц, очищения их от тех изменений, которые обусловлены изменчивостью условий языкового общения⁷.

Парадигматически объединяются не только номинативные, назывные единицы, но и звуки, и морфы, и словосочетания, и предложения. Все они прямо или косвенно обслуживают номинацию.

10. Предикация — такое сочетание двух номинативных единиц, которое обозначено как произведенное сейчас, в данном акте общения. Предикативное сочетание несет в себе указание (особый знак), что оно не взято готовым из предыдущего речевого опыта, а создано наново.

Пример: *Гусь плавает*. Два названия (*гусь* + *плавать*) соединены показателем времени — наклонения (в то же время и лица: *-ет*), который соотносит все сочетания с моментом речи.

⁷ Один и тот же объект можно назвать по-разному: *собака*, она же *дворняга*, она же *Жучка*, она же *пес*. И эти слова-названия не объединяются в тождество. Здесь объект (внешний языку) повернут к нам разными своими сторонами. В нем названо разное. Поэтому слова *собака* — *дворняга* и т. п. родовые и видовые названия не составляют парадигму. Различия между ними не определены условиями языкового общения.

Указание на «сейчасность» предикации необходимо: без него ненадежны никакие сигналы составного характера единицы. Действительно, единица может быть составной для предыдущих актов языкового общения, но не для данного: ср. *сумасшедший, Держиморда, точить лясы...*

11. Суть предикации в том, что об одной и той же ситуации можно сказать разное. Если бы о каждой ситуации можно было сказать только одно, то это высказывание было бы названием ситуации, т. е. осталось бы в пределах номинации.

Именно потому, что предикация дает возможность об одном сказать разное, она является средством высказать мысль.

Об одном — разное. Могут ли единицы, отвечающие такому условию, быть нечленимыми? Нет, если они говорят а) об одном, но б) разное, то они непременно должны быть сложными, составными, разъемными.

Однако разъемность единиц осуществляется только при наличии таких рядов: АБ — АВ ... АБ — УБ. Только на фоне АВ и УБ проявляется составной характер АБ. Иначе говоря: только в том случае, когда Б и В возможны при А (в одной и той же позиции!), есть основание говорить о действительно составном характере единицы АБ. Этот же вывод (о составном характере АБ) вытекает из того факта, что при Б может наличествовать А и У (ср. АБ — УБ).

Итак, предикативная единица должна в отличие от номинативной а) обнаруживать возможность разного при одном; б) и ввиду этого быть расчлененной; в) быть расчлененной она может в том случае, если определенные единицы встречаются в одной позиции.

Рядом с А возможны и Б, и В... Единица Б в составе АБ ценна именно как нечто, способное сочетаться с единицей А, образовать с нею единство. Такое единство — синтагма.

Как видно, синтагма воплотила в себе требования, порожденные предикацией. Синтагматически объединяются не только единицы в предикативном словосочетании, но и другие единицы — звуки, морфы, слова, предложения. Все они прямо или косвенно обслуживают предикацию.

12. Синтагматические отношения обратимы. В русском языке допустимы такие сочетания твердых взрывных: [пп — пт — пк — тп — тт — тк — кп — кт — кк]; [бб — бд — бг — дб — дд — дг — гб — гд — гг]. Недопустимы: [бп — бт — бк — дп — дт — дк — гп — гт — гк], т. е. перед глухими согласными может быть только глухой (речь идет о шумных согласных). Это наше заключение констатирует, что создает позицию второй согласный, в позиции находится (выполняет позиционные требования) первый.

Но те же самые синтагматические закономерности допускают и другое описание: в русском языке после первого глухого согласного могут быть глухие согласные и не могут быть звонкие, т. е. первый согласный оказывается

образователем позиции, а второй избран с санкции первого, он находится в определенной позиции.

С точки зрения синтагматики оба описания правомерны.

Глаголы *благодарить*, *хвалить*, *поощрять*, *награждать* требуют дополнения в вин. пад.: *благодарить бригаду, помощницу*. Речь идет о «валентностях» этих глаголов; глагол (одно звено синтагмы) требует, чтобы другое звено — существительное — имело определенную форму. Глагол обуславливает позицию, имя подчиняется позиции.

Но те же сочетания (*благодарить бригаду, хвалить помощницу*) могут быть характеризованы и по-другому: формы вин. пад. требуют переходного глагола. Здесь форма вин. пад. оказывается тем членом синтагмы, по которому определяется другой член — глагол. Этот глагол, как определяемый, оказывается уже не создающим грамматическую позицию, а находящимся в определенной позиции.

Известно, что грамматическое описание синтагм можно строить двояко: идя от слов с незаполненными валентностями (эти слова требуют таких-то соседей в синтагме) или идя от слов, заполняющих валентности. Сам термин «валентность» условен и обратим: ведь можно говорить и о том, что форма *бригаду* имеет незаполненную валентность, именно глагольную. Должен быть глагол при этой форме, так же как при слове *хвалить* должна быть (заполняющая валентность) форма вин. пад.

Даны ряды синтагм: АБ, АВ, АГ... Видно, что Б, В, Г находятся при А в позиции, образованной единицей А. Единица А разрешает соседство с собой единицы Б, В, Г.

Но даны и такие ряды: АБ, УБ, ИБ... Здесь А, У, И находятся в позиции, образованной единицей Б. Именно Б разрешает им быть рядом с собой. При таком сопоставлении Б — единица, определяющая позицию (А — в позиции при Б).

Следовательно, синтагму АБ можно (при анализе: где определитель позиции, где обусловленное позицией) рассматривать и «слева направо», и «справа налево»; в синтагме эти отношения обратимы.

13. Всякая синтагматическая закономерность может быть отражена с помощью таблицы; допустим, есть единицы А, Б, а, б:

		2	
		а	б̄
1	А	+	+
	Б	+	—

т. е. возможны синтагмы Аа, Аб, Ба, невозможна синтагма Бб.

В таблице можно колонки читать по вертикали: перед а законами данного языка допускаются единицы А и Б. Мы единицу а рассматриваем как

образующую позицию. Но колонки можно читать и по горизонтали: после *A* допускаются единицы *a* и *b*. В этом случае мы как позиционно-созидательную рассматриваем единицу *A*; появление *a* обусловлено этой позицией. И снова мы приходим к выводу, что синтагматика имеет обратимые отношения между позиционно обуславливающей и позиционно обусловленной единицами.

14. В парадигмах сочетание «единица, определяющая позицию» + «единица, определяемая позицией» необратимо.

Верно, что конец слова («потенциальная пауза») требует замены [з] на [с]: *морозы* — *мороз*. Неверно, что [с] требует после себя паузы.

Верно, что позиция «без ударения, после мягких согласных» вызывает мену [о] на [и]: *вез* — *везу*, *теплый* — *теплее*; но неверно, что [и] вызывает передвижение ударения на соседний слог.

Сопоставляя *есть книга* — *нет книги*, делаем вывод, что мена позиции *есть* — *нет* обуславливает мену формы *книга* на форму *книги*. Но было бы нелепо утверждать, что мена форм *книга* — *книги* вызывает мену *есть* на *нет*.

Парадигматические отношения необратимы: они выводят единицу, образующую позицию, за пределы парадигмы, как нечто стоящее вне. Если психологизировать ситуацию в парадигме, то можно сказать: *A* требует подчинения, причем безотказного, полного подчинения (позиционные чередования — безысключительны!). *A* — деспот. Оно противостоит тому, что подчиняется.

Позиция здесь предстает как внешняя сила воздействия (конечно, языковая, т. е. не имеющая природной, внеязыковой обязательности). Поэтому единица, определяющая воздействие, — не в парадигме, а вне ее. Иное в синтагме: здесь единица *A* позволяет быть около себя единице *B*, но ведь и *B* позволяет рядом с собой быть *A*. Отношения здесь могут быть перевернуты, инверсированы. Поскольку отношения в синтагме обратимы, то оба члена синтагмы — братья, они оба в пределах синтагмы, они оба — ее члены.

15. Синтагма может быть представлена так:

$A_1 + a_1$
 $(A_2 + a_1)$
 $(A_1 + a_2)$
 $(A_2 + a_2)...$

В скобках — тот фон, который необходим синтагме, но в ее пределы не входит (см. выше, § 3). Парадигму можно представить так:

$(A) + a_1$
 $(B) + a_2$
 $(B) + a_3...$

В скобках то, что вне парадигмы, именно единицы, которые создают позицию.

Изучить парадигматику — значит, понять, какие единицы образуют чередование под влиянием каких-то других единиц (находящихся вне парадигмы). Члены парадигмы — единицы, находящиеся в разных позициях.

Изучать синтагматику — значит, понять, какие сочетания закономерны для данной языковой системы. Синтагма включает и единицу, образующую позицию, и единицу, находящуюся в позиции. Установить, что налицо именно синтагма, сочетание единиц, можно путем сопоставления таких последовательностей (кортежей), где разные единицы находятся в одной позиции.

16. Единица, образующая позицию... Она — вне парадигмы. Она внутри, в составе синтагмы.

Основу этого различия можно опять увидеть в номинации и предикации, в истоке всех языковых системных различий.

Предикация — соединение двух названий. Они — однопорядковые единицы, они подобны по своей природе, они — оба названия. Поэтому и в синтагмах (во всех ярусах языка), особенности которых зеркально отражают предикационные отношения, оба члена равноправны.

Номинация — обращение языковой единицы к чему-то внеязыковому, к объекту названия, который явно не ровня слову (номинативной единице), он — вне слова. Эти отношения скопированы парадигмой.

17. Как перечислить парадигмы? Посмотреть, что чередуется, не забывая при этом указывать позицию — причину чередования.

Как перечислить синтагмы? Посмотреть, что сочетается. Например, дать такой список: [тт — тс — ст — сс]. Это — синтагмы шумных зубных глухих твердых.

Тот же перечень можно дать в виде столбиков (удобно для обозрения):

тт ст
тс сс

То же можно представить в виде таблицы; она должна быть построена по типу, указанному выше (п. 14):

		2	
		т	с
1	т	+	+
	с	+	+

Смысл всех трех обозначений одинаков. Все они показывают сочетаемость единиц, т. е. синтагматику. Но сбивчивость обычных представлений о синтагматике и парадигматике настолько велика, что одни и те же отношения принято рассматривать как парадигматические, если они представлены таблицей, и как синтагматические, если они даны в виде перечня сочетаний.

Есть и такой вид таблиц, где не указана, прямо и явно, позиция, но из самого существа таблицы следует, что позиция — одна и та же для всех единиц. Например:

д	д'	з	з'	
т	т'	с	с'	ц